

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a rugged, bearded man with a yellow headband and a green pendant, wearing brown leather gloves and holding a large, straight sword. He is standing over a dark, monstrous creature with large yellow eyes and sharp fangs. In the upper left, an owl with large yellow eyes is in flight. The setting is a misty, forested area with a wooden house visible in the background.

ИСЛАМ ХАНИПАЕВ

БУРЯ ЧУДНОЙ ОТРЯД

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Ислам Ханипаев

Буря и чудной отряд

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Ханипаев И. И.

Буря и чудной отряд / И. И. Ханипаев — «Манн, Иванов и
Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281122-9

Царь Владислав возвращается домой с очередной победой – и с редким для себя желанием больше никого не побеждать. Солнцеград в безопасности, враги разбиты, а значит, впервые за долгие годы можно подумать о себе: передать трон сыну, уехать на окраину Отравленного болота, поселиться в домике с огородом и провести остаток дней в тишине и покое. План отличный, почти идеальный. Жаль, судьба его не одобрила. Староста ближайшей деревушки быстро находит применение крепким рукам нового соседа, в болоте оживают мертвяки, а из каменного яйца вылупляется чудной зверь, за которым нужен глаз да глаз. И вот уже вокруг бывшего царя собирается компания – странная, шумная и совсем не созданная для спокойной жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-281122-9

© Ханипаев И. И., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Проклятое болото	10
Глава 2. Нет больше богатырей	16
Глава 3. Находка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ислам Ханипаев

Буря и чудной отряд

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ханипаев И., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

С большой любовью к сказкам и мультфильмам, на которых я рос

Пролог

«Будь проклято все колдовство этого мира...» – подумал я, глядя на окровавленные руки. Вновь окунул их в лужу, промыл хорошенько – глиной, травой, кашей от корнеплода ясенки, слюной. Ничего. Пятна крови так и остались.

Надо было доверить казнь колдуньи северных земель палачу. Нет ведь, поддался народному кличу. Кто-то из совета сказал, что правильнее будет самому мне завершить начатое. Я бы и завершил с тамошним царем, но тот погиб от чьей-то стрелы, а казнить женщину, будь она хоть трижды колдуньей... Но как оказалось, в ихнем обустройстве дел управительных колдунья не советчица, как у других народов, а настоящая, скрытая за завесой владычица. Да и наглостью она разожгла во мне едва потушенное пламя: назвала и трусом, и другими последними словами. А потом воины заголосили:

– Царь Владислав! Царь Владислав! Царь Владислав!

Когда подошел я к ней, она сказала, что с самого начала знала исход: мы придем и победим, снилась ей гибель от моих рук. И вот, послушал я толпу опьяненных победой увальней – и снес ей голову с плеч своей легендарной секирой.

«И не стереть тебе кровушки моей с рук своих нико...» – окончить заклятие она не успела. Не успела! Тьфу! Разве не нужно там чего-то, помимо слов? Зелья какого-нибудь из когтей ворон? Зарезанного младенца? Скрижали с рунами? Да хотя бы кровушки девственника! Нет же. Просто произнесла, и то не до конца. Все равно сработало.

– Будь ты проклята... – пробормотал я. – Ты и твое колдовство.

Со всего царства теперь надо будет созывать чародеев да знахарей.

– Царь Владислав! – За спиной оказался глава моей дружины Миша Гучин. – Войско готово. Ждем вашего указа. Двинемся в столицу или задержимся?

– Ничего не поменялось, – ответил я, не поворачиваясь к нему. Взглянул на свое могучее отражение в мутной воде, а потом на руки. – Ничего. Домой вернуться успеем. В постели теплые к женам красивым. – Я повернулся к нему. – За каменной стеной мы всегда спрятаться можем. Так что пусть тут отдыхают. И пусть знают, что мы уже дома. На нашей земле. И силу для побед наших дает она, а не хоромы.

– Понял, государь. Встанем лагерем в долине.

Пока войско занимало поляны и холмы, я поднялся на возвышенность через колючую чащу. Глазам открылся вид на всю русскую землю. На долину Солнцеграда, на реки, пересекающие ее голубыми волнистыми клинками, на деревушки, усеявшие ее вместо проклятого Леса Девяти ведьм. Его я вырубил почти весь. Много лет истреблял колдовскую нечисть, сделал эти

края безопасными для жизни. И всякий раз, как доходила из какой деревни весть о магических отрядах, высылал туда отряд.

Земли свои я безопасными сделал. И вот теперь, годы спустя, я мог просто стоять и любоваться родной долиной. Выпрямить бы плечи во всю ширь, вдохнуть бы полной грудью родной воздух, да вот не получилось... Не сразу понял: это меня пробрала усталость. Не такая, что меч да щит хочется бросить, а глубинная. словно сердце глыбою придавило.

Размышляя о природе горя моего, смотрел на то, как немногим ниже высшие чины шумно что-то обсуждали, смеялись. Грозил друг другу мечами, делами храбрыми хвастались да врагов за неумелость русскому мечу противостоять высмеивали.

– Стой, Миша! – крикнул я вниз. Он обернулся. – Идите.

– В Солнцеград? – зачем-то уточнил он.

– Да. Поднимай войско и веди его домой. А я с вами не пойду.

– Простите, государь... Я не...

– Мой наказ, – отрезал я. – Вы все возвращайтесь.

Он ушел. Я продолжил глядеть вдаль. Солнце опускалось к столице, которую потому и называли Солнцеградом. Желтый небесный круг краснел, как созревающее на глазах яблоко, и готовился спрятаться за моей гордой крепостью. А тень той росла, в свою очередь готовясь накрыть долину.

– Красиво... – сказал я самому себе.

– Отец! – Подошел мой старший, Еремей. Вдарил кулаком по доспеху, слегка кивнул мне и спросил: – Что происходит? Ты велел нам вернуться в столицу?

– Велел.

– А ты?

– Здесь останусь.

Сын долго молчал.

– Отец, я не понимаю.

– Я остаюсь. Жить буду тут.

– Где? – Он огляделся по сторонам. – На этом холме?

– Нет. Вон там. – Я указал пальцем на место, где земли наши кончались и начиналось Отравленное болото с оставшимися клочками Леса Девяти ведьм.

– На болоте?

– Да. Негоже отбирать у народа землю, мною же даренную. Поэтому – да. На краю буду жить: дом построю, хозяйство заведу, какое получится. Сделаю все по старинке. Добрый труд землю залечит, и скверна уйдет.

– А как же нечисть?

Я вынул из-под лат каменный оберег, оставшийся от Лизоньки. Потер пальцем вырезанные на нем руны, мне непонятные, но защищавшие все эти годы.

– Любовь матери твоей защитит от всякого.

– Прости, отец, – сын зачем-то еще раз поклонился, – пожалуйста, объясни мне причину этого решения. Быть может, есть то, чего я не понимаю? Мудрость глубокая? План тайный? Ты можешь мне довериться, отец! Я костыми лягу, но выполню твой наказ!

– Другого я от тебя и не ждал, Еремей. – Я повернулся к нему, а он, готовый ловить каждое слово, выставил грудь колесом. – Наказываю: сесть на трон царский, что в крепости Нерушимой находится, а крепость эта там. – Указывая на Солнцеград, я вновь увидел пятна крови на пальцах. – Наказываю: хранить земли, завоеванные предками, править мудро – сменяя мягкость на твердость и обратно. С царями союзными держать ухо остро, а врагам не потакать ни в чем. И не шадить колдовскую нечисть, где бы она ни объявилась. В память о матери твоей.

– Отец...

– А я же... – перебил я его громче, – оставляю трон. Решение мое мудростью не продиктовано.

– Но чем же тогда?

Я задумался.

– Не знаю. Пока не знаю. Быть может, усталостью. В этом году мне шестой десяток наступит. Большую часть лет этих я был в военных походах. Не видел, как растут два твоих младших брата, а тебя все возил на битвы смотреть. Уму-разуму учил. Время было такое – сам знаешь, Еремей Пламенное Сердце. Ты на многое способен на поле брани. Ты молод и горяч, и я, верно, таким был в годах твоих. Порой кажется, таким и остался. – Я показал ему руки, окропленные заколдованной кровью. Та, словно живая, словно кровавое родимое пятно двигалась по коже. – Но время войн позади. Ты получишь царство в мире и согласии. Враги наши побеждены по всем окраинам. Не думаю, что головы поднимут в ближайшие годы, а если поднимут, глаза и уши у нас везде, сладишь с ними раньше, чем мечи их из ножен выйдут. – Я подошел ближе к сыну, положил руку на его наплечник. – Слушай военных советников, доверяй родной крови – братьям. И женись поскорее. Задержался ты с этим вопросом. Надеюсь, приведешь ко мне в гости внуков через год. На этом все, сын. Царствие это теперь твое.

Я собирался было спуститься с холма, по другую от войска сторону, но подумал: негоже так идти к болоту поганому, раз стройку затеял.

– Сын, – сказал я, оборачиваясь. Он стоял там же как вкопанный и глядел на меня изумленными карими глазами. Точно как у Лизоньки.

– Да.

– Это... Царь. Уважь просьбу отца. Снаряди мне обоз небольшой, с едой на пару дней. Ну и клячу мою Маришку с собой возьму. Она старая, толку от нее вам не будет. В оплату прими это, – бросил под его ноги прославленную царскую секиру. – И с десяток монет серебряных дай в долг. Обязуюсь вернуть в казну, как только смогу.

Мы оба смотрели на секиру – больше чем просто оружие и для всего царства, и для нас с ним. За нее Еремей когда-то готов был отдать все, но получил однажды урок, что ввек не забудет, и перестал тянуть руки. А теперь вот так просто получить, просто поднять ее с земли, как дешевую вещь, он был не готов.

– Да я приказ отдам, и болото поганое высушат вмиг! И хоромы тебе возведут за месяц, отец, больше крепости нашей! Отряд в сотню лучших клинков выделяю для охраны! А в еде нужды...

– Сын, – сказал я, и тот замолк. – Маришку, обоз, еды да десять серебряных монет. И помни, что сказано в священных свитках: «Боритесь с колдовством везде. Боритесь и готовьтесь к приходу Злого зла». С людьми наша армия справится, но с колдовством нужно всегда держать ухо востро. Оно хитрее всякого человека будет. Помни об этом, сын, Еремей Пламенное Сердце, царь Солнцеграда.

Глава 1. Проклятое болото

Лес Девяти ведьм неспроста получил это имя. Люди укрывались от него за частоколом, затем за стеной из грязевого кирпича, а теперь из камня.

Но однажды мой предок Иоанн Мудрый начал очищать эту землю пядь за пядью.

Что на ней прежде ни росло – и трава, и деревья, – не делало пользы человеку. Наоборот, вредило: уколешь руку о шип – упадешь там же и через день умрешь в мучениях. Поест скотина неизвестной травы – и тоже умрет, а мясо ее даже ворона не тронет. Если и были в лесу животные, то человека совсем не боялись. То и дело нападали волки или медведи. Заползали в дома змеи. Орел мог когтями ухватить что дите, что овечку.

Темные были времена.

Тридцать лет думал Иоанн, как победить колдовство. Поливал землю чистой водой, снова и снова молился, сажал посевы – а вместо них прорастала черная трава. Однажды случилась в городе поножовщина. Не поделили что-то люди – и вышли на улицы кровь друг друга проливать. Загубили несколько жизней. Не стал Мудрый разбираться долго, да и изгнал всех провинившихся на год за стену. Выживут – обещал вернуть.

Так он наказал полсотни человек. Но не опустили они рук, сдружились вновь, сплотились. А через полгода дошла до царя весть о деревушке в глубине леса. Сразу понял он, кто там живет. Снарядил отряд и отправился в путь. Нашел провинившихся и их семьи. Многих те потеряли, от хворей, колдовства и зверя дикого. Но три десятка человек оставалось в живых.

Завидев царя, бросились в ноги кланяться, прощения просить. Но Иоанн все глядел на вспаханную землю. Росло там всяко-разное, что у него за многие годы вырастить не получилось вне городских стен. Обещал Мудрый вернуть всех в столицу, если расскажут, как чудо свершили, а те почесали затылки и сказали, что как и дома: просто взялись за дело. По старинке. И ничего нового не привносили ни в дело, ни в молитву.

Царь не мог поверить. Ведь и его мастера дел хозяйственных все испробовали. Ничего из посевов не прижилось, а тут обычный люд умудрился не только огороды сделать, но и саму землю, на которой поселился, в твердую превратить. Цвет здоровый грязи вернуть. Прежде-то на землях этих только болота и были.

Махнул Иоанн рукой. Вернул всех жителей домой на зиму. А весной заметил, что земля та опять погибать начала, да и деревья, такие выносливые. Скальной орех, который в любом месте удержать жизнь мог, – и тот погиб.

Собрал Иоанн уже сотню тех, кто за награду согласился в тех краях жить. Теперь тут были и воины, и лекари. И заметил царь уже через месяц-другой, что земля даже сама по себе меняется. Будто исцеляется... оттого, что живет на ней люд.

– Люд... люди. Люди! – закричал он, поняв, что болоту да Лесу Девяти ведьм людская душа нужна. Чтоб жили тут постоянно, дышали воздухом этим и не прятались к концу рабочего дня за стеной, и тогда мало-помалу исцелится земля. А останется земля покинутой – начнется обратный ход.

Расценил он открытие свое как борьбу добра со злом? Света с тьмой? А чем же еще божьему созданию – человеку быть, коль не добром и светом? И начал царь понемногу земли заселять. Деревушки строить и дороги к ним протаптывать. Всяку злую тварь убивать и колдовством промышлявших людей тоже.

Все, чего требовал царь от подданных, – не покидать те земли, просто жить там. На первых порах снаряжал людям обозы с продовольствием. Дело шло медленно, ведь всякое бывало: и хвори вспыхивали, и враги силами мериться приходили, и холода да лесные пожары не отставали. И было это три сотни лет тому назад, и каждый в нашем роду дело Иоанна продолжал.

Пока не пришел мой черед.

Я от наказа предков отошел. Решил, что в своем краю мы колдовскую заразу истребили и тесновато нам стало. Как я Еремея, так и меня отец смолodu в военные походы брал да делу ратному обучал, а потому почувствовал я себя готовым к свершениям на поле брани. Пошел захватывать новые земли, прослыл вскоре Владиславом Непобедимым. Но пока мы лили кровь на границах, тьма вновь высунулась из-под толщи земли: вначале окрасило ее, затем вырвалось хворями и в конце концов воплотилось в тварях диких – все как в летописях. И народ о приходе Злого зла шептаться начал.

Мало теперь было заселять чащи человеком да помогать ему, пока не приживется. Леса да болота будто отпор давать стали, и не получалось уже, как раньше, отправить отрядец да победить. Мы знали всегда, что отравленная земля единым разумом наделена, а теперь поняли, что и нравом бойким.

Не желал я смириться с тем, что борьба эта вечна. Меня манили другие края, завоевания, а приходилось зверье отлавливать, деревья рубить, хворавших лечить и разбойников заколдованных выискивать. А считаешь, что сделал все, – так в следующем году изволь повторить успех. Ну уж нет! Издал я указ собрать лучшие умы в библиотеках наших и начать искать ответы. Долго провозились, но решения такого, чтоб под корень срубить зло, не находилось. Пока один молодец не задумался над тем, что не видели мы перед собственным носом. Он спросил однажды:

– А почему лес этот Лесом Девяти ведьм кличут?

И поняли мы, на что в свитках внимание надо обращать. Ведьмы эти и вправду существовали всегда. И нам встречались они и там и тут, и описания были схожи: женщина, что колдовством промышляет. То красавица, будто без прищура на само солнце смотришь, то старая карга: все равно что смерть пред глазами встала.

Вот чему мы должны были отдать все силы. До того мы секли листву, а теперь стало понятно, что нужно корень искать. И мы убили каждую ведьму. И даже больше. Чтоб верно было, каждого с колдовством забавляющего судили за злой умысел.

Так долина и очистилась от скверны. Но не везде, а во владениях ведьм. В Лесу этих самых Девяти ведьм. И тому свидетельством были края, к которым я прямо сейчас вел свой обоз. Да, хоть и сказал я, что не хочу землю у народа отбирать, но правда в другом была: не будет на сердце старого воина покоя, коль без битвы получит желаемое. Коль все подарят, все построят и усадят на готовое. Нет, не такой я человек. С лопатой да топором очищу трудом благородным и присутствием своим очередной клочок леса, да там, где сложнее всего хозяйство вести, – у Отравленного болота.

Все как всегда: вначале я заметил землю, сменившую цвет на пепельный. Растительность также оскудела, а ветви редких деревьев скрючились, как куриные лапы. Все тут выглядело больным. Сам воздух окутывал пьянящим, тяжелым холодом. Пахло плесенью, легким гнильем. То и дело в болотах, вдоль которых я собирался обосноваться, булькали пузыри и, лопнув, выпускали в мир ядовитый смрад.

Пропала добрая живность, и взамен ей прибавилось пауков и змей. Где-то вдалеке слышались шакалий смех да волчий вой. А рядом – да что рядом, прямо над головой – уже с четверть часа три вороны прыгали с ветки на ветку. И каркали, будто смеясь над глупцом-стариком, решившим прижиться на проклятой земле.

Дальше лучше не стало, но, выбрав место, я прикинул будущие свои владения – в пятьдесят шагов от угла до угла. Вначале хотел дать слабину и отмерить себе только мертвой, но зато твердой земли, а потом вспомнил, кто я такой. Нет. Каждый вздох мужчины из рода царского поможет исцелить родной край от колдовского яда. Как могу я не оттяпать немного болота? Заодно воочию уверюсь в целительных свойствах человеческого духа.

Здесь было много колючих кустов, всякой мерзкой чахлой зелени и несколько деревьев неясной породы. Сразу захотелось поджечь все отравленное, но я одумался. Пламя – это разрушение, а не созидание. Будь это верный путь, так предки бы весь лес сожгли. Нет. Ключ таится в добром намерении.

Оглядевшись, я прикинул размах своего подвига. При должном усердии и этот смрад мог бы превратиться в цветущий огород. Вот только...

Встал я по центру и посчитал деревья. Пять. Чуть больше, чем надо, мешало одно в самой середине. Остальные вполне сошли бы за углы участка, чтоб все обнести частоколом. Я подошел ближе, узнал в мешающем дереве яблоню, но сразу понял: с ней что-то не то. Постучал костяшкой по стволу. Ну да. Другой какой-то звук, необычный. Заколдованная яблоня, небось. Решил не терять времени зря. Лучший урок, который я усвоил от отца и пытался преподавать детям, был прост: коль хочешь сделать что-то, начни и делай хотя бы понемногу, и рано или поздно ты этот труд осилишь, каким бы сложным он ни был. Быстрее начну – быстрее закончу.

Я полез в обоз. Достал лопату и топор и направился к дереву.

На проклятом участке работы на первый взгляд было неспорно: свиной, колючие кусты, узловатые, почти живые корни, стремящиеся...

– Горите, чертовы пятки! – выругался я, упав.

Какой-то корень, будто змея, обвил мою ногу. Живым, заколдованным не выглядит, но я-то знаю эти земли. Доверия к ним нет.

– Ыть! – Я рубанул его лопатой. Схватил и грозно потряс им в воздухе. – Имей в виду, Лес, и ты, Проклятое болото, все имейте в виду: с каждым так будет!

Никто не ответил, ну и я подметил для себя, что не должен с лесом разговаривать. Сведет с ума слабого душой и сердцем. Да еще и в одиночестве. Знаем. Видели всякое. Хоть все тут злым колдовством и пропитано, но все же разумом человеческим не обладает. Не знал я случая, чтоб лес с человеком заговаривал. Разве что с безумцем каким, но такому уже ничем не поможешь.

А вот насчет ворон я засомневался. Зыркнул на них и бросил в их сторону камушек. Улетели, выругавшись на непрошеного гостя.

Я подошел к яблоне и вогнал лопату в землю. Руки мои, все в трещинах и мозолях, знали и не такую работу. Никогда я не просиживал зад на тронной подушке. Вот срублю ствол – примусь и за корень. Ничего под домом своим не оставлю!

Я плюнул на ладони, взялся за древко топора, прицелился взглядом к яблочному стволу и дал по нему что есть мочи. Ах, какой звук был сладкий, словно молния не пощадила дерево! Есть еще силушка! Не будь царем – пошел бы в лесорубы. Где-где, но там удаль моя пригодилась бы. Тут выбор невелик: иль деревья рубить, иль головы с плеч. Недаром отец про меня говаривал...

– Чего...

На месте моего удара – ни трещинки, ни царапины. Рубанул снова – тот же звук; испуганные вороны прочь бросаются, а яблоне хоть бы что.

Взглянул на лезвие – отупело. Это как же так? Заметил: камень большой, с голову мою, из земли торчит. Повел по нему топором, с грязью, чтоб лучше скользило. Наточил. Прошелся подальше, к подлеску, и рубанул. Уже дело – рубятся деревца. А куда денутся? Конечно, рубятся! Да я и в скале себе дом прорублю, коль надобно станет.

В дерево, что я углом территории назначил, топор тоже вошел как надо. Брызнули в лицо щепки. Гневно взглянув на невредимую яблоню, погрозил пальцем и пробурчал:

– Заколдованное! Так и думал! Сразу почуял – несет от тебя злом.

Подошел ближе, помянул Бога, а затем коснулся с легким страхом дерева. Думал, обдаст холодом могильным, пламенем адским, чем угодно. Но нет. Дерево как дерево.

Лопата в землю вошла без труда. Вкопался я не хуже кабана. Добрался до корней, вдарил. Ничего! Усмехнулся. Плюнул на руки еще раз. Это дело я так не оставлю!

Еще раз всадил лопату – застряла в корнях. Тяну обратно – не выходит. Будто кто-то зубами вцепился и не отпускает.

– Горите, чертовы...

Залез на упорцы и начал скакать на лопате. Ну, под моим-то весом и напором корни должны дать слаbinу!

– Раз-два! Раз-два! Давай! Раз...

Треснуло древко, и лопата превратилась в лопату-наполовину, а я плюхнулся в яму с грязью, и зад мой вошел туда идеально, будто под меня и копали. Сажу в ней как шут, в ожидании смеха толпы. Но смеха нет. Кроме вороньего. Потянулся за камнем и метнул еще раз в тварей крылатых. Не попал, а те опять взлетели – и на другие ветки.

Хорошо, подумал, что народ солнцеградский не видит меня сейчас. Уехал, называется, прославленный царь, победитель язычников, колдунов, ведьм и бестий разных, поместье себе за городом строить...

Вылез. Устал. Вернулся к обозу. Накормил Маришку, приласкал, успокоил. Видел: не нравится ей здесь. Круглыми янтарными глазами озирается.

– Знаю, родная, – прошептал ей. – Плохие земли. Но прости, от слова не отступлюсь. Не могу вернуться домой, потому что лопату сломал и зад в грязь окунул.

Я собирался было еще поквитаться с яблоней. Подумал-таки поджечь, но что-то подсказало, что и огонь ее не возьмет. Долго смотрел на нее. Не привык я к тому, что в жизни этой что-либо не поддается ни слову моему, ни делу, ни уму.

Сам не заметил, как сон накатил. В конце концов, еще неделю назад я вел тысячи воинов в бой. Победил немалой ценой, а по возвращении домой мысль эту шальную с переездом поймал. И сажу теперь тут, с заколдованным деревом силами тягаюсь.

Посмотрел еще раз на руки, вечной и будто живой кровью обагренные.

– Утро вечера мудренее, – бросил я Маришке. – Завтра решим, чего делать будем. Агась? Маришка хмыкнула. На том и порешили.

Накидал в мешок сена, снарядил себе подушку, укрылся старой накидкой, на которой еле проглядывался выцветший, растерзанный погодой и вражеским лезвием семейный герб. Уснул. Спал плохо: места в обозе мало было, ворочаться не получалось, как уперлись широкие плечи в бортики, так и встрял. Даже мошкарку отгонять не мог.

А снились мне, само собой, ужасы всякие: стою с секирой царской наперевес. Бегут на меня полчища бесовы, а я молюсь перед битвой последней. Готовлюсь смерть принять. Вокруг люди мои – все мертвые уже, но руки все равно тянут ко мне. Сжимаю древко – и вдруг женушка моя в небесах отражается.

Замираю. Пытаюсь хоть слово вымолвить, но выходит какое-то мычание. А она улыбается мне по-доброму, со всей мудростью, как делала всегда. Так, будто видела насквозь всю суть мою.

– Ты придешь ко мне?

Я киваю.

– Я буду тебя ждать. А пока... – Она что-то говорит. Нет, странно шелкает ртом.

– Я не...

И вот, я вижу чужое войско – полчища врагов, чью кровь я проливал десятки лет. Пытаюсь услышать, что же Лизонька хочет сказать. И опять шелк-шелк.

– Что? Что?! – вырывается, наконец, у меня.

...На этом месте я открыл глаза.

Щелк-щелк.

Было утро. Я вскочил – и от меня отпрыгнула какая-то бестия, в когтях утаскивая краюха хлеба. Я занес было топор, чтобы рубануть в прыжке с обоза, а там... совенки. Посмотрел, как хлеб укатывается в лужу, потом уставился на меня с укоризной, будто ждал, что я признаю свою вину.

Я слез с обоза. Пытаясь проморгаться, глянул в небо. На миг показалось, что лицо Лизоньки все еще там. Услышав шорох, я крепче сжал секиру, вгляделся в деревья. Ничего.

Щелк-щелк.

Посмотрел под ноги – а это сова стучит по сапогу. Отпихнул ее, а она опять.

– Отстань...

Эх. Плохая земля, но утро хорошее. Холодное, бодрящее. Такое, что проснулся – и сразу чем-то дельным заняться хочется. Айда на зарядку: приседать да отжиматься. Не царь уже, но тело богатырское и дух здоровый пригодятся. Впереди большое строительство, и помощи не от кого ждать. Разве что...

Я посмотрел на сову – а у той глаза разных цветов. Смотрит вылупившись.

Ладно: руки вперед, вверх, в стороны, повороты туда-сюда. Что-то хрустнуло то ли в пояснице, то ли в колене. Поприседал. Хруст-хруст. Есть еще силушка!

Принялся отжиматься. Один-два-три. Совенок, вместо того чтобы по-птичьему передвигаться, ходил рядом по-человечьи.

– Тьфу. Глупое создание, – буркнул я и продолжил, а он как на голову запрыгнет. – Восемнадцать... Эй, кыш. Девятнадцать... Кыш, говорю!

Он клюнул в затылок. Заскреб когтями. Пытаясь достать его рукой, я упал.

– Горите, чертвы...

Перевернувшись на спину, я вновь посмотрел в небо, тяжело дыша. Вспомнил слова Лизоньки, зовущей к себе. Она всегда меня видела так, будто я чистым холстом лежал перед нею. Понимала, что осело на дне моей царевой души, разум яснее делала. А теперь все как в тумане.

– Дорогая...

Совенок клюнул меня в лоб. Вверх тормашками я видел, как он смотрит слегка косыми глазами. Встав, я попытался его изловить, но изворотливости у глупого создания оказалось больше. Погонявшись за ним вокруг яблони, я сдался.

Зато взбодрился.

Жаль, апрель и снега совсем не осталось, чтоб освежиться. Обтерся бы им так, чтоб кожу жгло.

– Нырнуть бы... – Я огляделся по сторонам. Нет, воды-то у меня на день-другой, и все в бурдюке.

Глядя на руки, я подумал: может, отравленной болотной жижей попробовать смыть кровь? Вдруг зло на зло добро дает?

Щелк-щелк по дереву.

– Я с тобой еще разберусь, – пригрозил я пальцем то ли дереву, то ли сове.

Кажется, за три версты отсюда деревушка должна была быть. Видел ее с холма. Я сосчитал монеты – десять серебряных. На месяц хватит.

Глава 2. Нет больше богатырей

Не стал я оставлять ни обоз, ни Маришку в грязном месте. Вдруг волки появятся или, того хуже, бестия какая колдовская? Вышел на добрую землю – не такую, как у Солнцеграда, ни туда ни сюда по цвету и твердости, но, едва ступив на нее, я почувствовал, будто сон отпустил. Задышалось свободно, и перестало давить на грудь гнетущее чувство. Тревога, будто наблюдает кто-то из-за ветвей, отошла, а к воронам поганым я уже привык. То прилетают, то улетают.

Ох, вот бы отмыться от грязи в озере, пускай даже с лягушкой всякой.

Пошел я бодро по тропинке, пока до перекрестка не дошел и там не прочитал:

«На-пра-во пой-дешь...» Не туда мне.

«Пы-ря-мо пой-дешь...» А это уже в Солнцеград. Тоже не то.

«На-ле-во пой-дешь – к-Хвой-ной при-дешь».

– Во, – ткнул я на стрелку пальцем. – Налево надо.

Гордость вспыхнула на сердце: это ведь моим указом каждый перекресток снабдили табличками-указателями. Правда, потом выяснилось, что только каждый сотый читать умеет, и, чтоб на смех не быть поднятым, я следом издал еще один указ: обучить простолюдов грамоте. А потом и сам, Лизой отруганный, сел за учебу. Ох не сиделось за столом с бумагой, ох не хотелось буквы учить, но обещал ей. А выполнить обещанное – дело святое. Не успела любимая экзамен принять. С того времени хоть и чтецов имел при себе, сам иногда читал. Вот и пригодилось наконец умение это.

Направил Маришку налево.

Через четверть часа вышел из лесу на Хвойное. Деревушка собой ничего особенного не представляла. Главная дорога выводила на круглое сходбище. От него одуванчиком росли дорожки к домам, которых я насчитал с три десятка. А еще отметил для себя отсутствие всякого оборонительного укрепления, а ведь деревушка эта ближе остальных к границе моего... Еремеева царства. Тут и болото заколдованное, и Лес Девяти ведьм, еще не столь старательно очищенный.

– Негоже, – сказал я сам себе, мысленно прикидывая, откуда и докуды частокол взвести. И руки сразу зачесались указ отдать, чтоб прислали дружину для охраны сего населенного пункта. – А, нет-нет, Маришка. Не царь я более...

Да и тут никогда не был. Таких деревушек у меня сотня по всей долине, а в завоеванных всяких землях, которые теперь нам дань платят, вообще не считаешь. И как бы ни хотелось мне все земли свои обойти, возможности в царствие свое так и не изыскал. То с этими своими ешь, то на других меч царский поднимать. То третьих, непослушных, на кол...

– Э, стой! – окликнул меня дед беззубый. – Стой-стой-стой! Ты! – Он попытался нагнать меня, стуча по земле палкою.

Я его клич, само собой, мимо ушей пропустил. Негоже царю на простолюдинов клич... Тьфу. Остановился.

«Запомни уже, дурья башка, не царь ты никакой более. И народец Хвойной совсем глухой, не знает, как выглядишь».

– Чего тебе, смерд?

– А ты кем буш? А? – Старик стрельнул в меня прищуром змеиным.

– Кем хочу, тем и буду, – ответил я, окатив его своим коронным взглядом.

– А нет-нет! На наших землях таких не бывает. Ты либо наш-местной, либо чужой-какой. Вот, точно. – Он окинул меня снизу доверху. – Чужой! Нерусский!

– Это я-то нерусский?! – вскочил я с сиденья и потянулся к секире. Ах, секирушка моя! Как же это без тебя голов лишать... – Это какой я чужой?!

Старику пришлось отдать должное: не шелохнулся, не отступил. Наоборот, за палку свою крепче ухватился и приготовился к драке. Ух... дуну на него, один прах останется!

– А такой. С земель каких-нибудь ненаших.

– Да не иноземец я! Чего пристал, иссохший... – не нашел я крепкого словца, чтоб приструнить. Старик как-никак.

– А за каким делом у нас? Рассказывай давай.

– Торговаться буду с человеком простым.

– А ты что, сложнее нашего буш? На вид все то же самое, что у других. Только в плечах шире обычного. А бороду грозную и я отрастить могу. Хотя летов уже не хватит. – Он потрогал свою жидкую бороденку.

Ну-с, хватило мне дерзости. Слез я обоза. Погладил Маришку. Подошел к старику, взглянул в глаза, тонушие в морщинах, и аккуратно ткнул в упертый в землю кончик посоха, готовясь рассмеяться от того, как он плюхнет. Но старик устоял. Я поднял кулак свой увесистый, не для удара, а так, припугнуть, а может, и толкнуть слегонца...

– Да я тебя...

– Спасите! – завопила бабка, сидевшая на крыльце ближайшей хибары. – Убивают Серему нашего!

– Кто кого убивает?! – вышла из другой бабища округлая.

– Этот! – указала бабка на меня.

– Да не убиваю я никого! Просто проучу...

– Вот оно что... Старика бить задумал! – закудахтали женщины.

Понял я, что лучше не лезть. Позиция моя, как ни крути, оказалась проигрышной. Подхватил Маришку за поводья и повел дальше к сходбищу.

– Еще свидимся, – произнес старик вслед и сплюнул.

Утро было раннее, народ только-только просыпался, а я уже успел шороху навести. Увидел вывеску «Осиное гнездо»: мужичок с лихо закрученными усищами как раз лениво открывал дверь. Харчевня – самое то. И поесть, и полезных слухов набрать о ближайших соседях моих. Может так статься, что оставшиеся годы бок о бок с ними жить придется.

Прошел я через низкий деревянный свод и шагнул через порог.

– Что-то рановато... – встретил меня сразу голос.

– Питья мне хмельного, да покрепче, – велел я, отмахнувшись от его слов.

– Тем более.

Я подошел к прилавку, за которым мужичок раскладывал посуду. Он окинул меня взглядом с головы до пят и спросил:

– Не видел раньше. Путник, чтоле?

– Сосед ваш новый. – Я хлопнул по столу монетой, чтоб понятны были намерения мои решительные. – Скажи, что выйдет мне на этот серебряник, коль и поесть удумаю.

Он с недоверием взял монету, подставил под солнечный свет.

– Царская. Хм... – поддел большим пальцем, та подпрыгнула, прокрутилась в воздухе и приземлилась в его ладонь. Весом, кажется, он тоже остался доволен, но, видимо, утренний посетитель доверия не внушал – И чего? Откудова?

– Оттудова. – Я указал на дверь, в которую вошел. – Покормишь иль как?

– Как царя покормлю. Неделю кормить буду, – улыбнулся он. – И вина на свежей шишке налью.

Харчевник нырнул в проход за спиной. Загромыхали стеклянные сосуды.

– Это хорошо. А еще хочу узнать о деревушке вашей.

– А чего тут знать? – спросил он, высунув голову, и опять спрятался.

– Чем живете-дышите?

– Дышим воздухом.

– А чего интересного случилось в последний год?

– Ничегошеньки. Совсем.

– А может, кто интересный живет?

– А кто тебе, мужик, интересным показаться может?

Я пожал плечами. И вправду. Никто, наверное. Обычно, в такие места заявляясь, мои люди первым делом любителей в колдовство поиграть находили и в зависимости от прегрешения решали, голову с плеч или отрубить чего в воспитательных целях.

– Ну, может, обижают кто-нибудь вас?

– А кто нас обидит-то? – Он вылез с бутылкой, грохнул на стол, откупорил и наполнил мою кружку. – Царские войска всех обидчиков разогнали на многие версты. Давно разбойников не было.

– А нечисть? – Я отхлебнул. Напиток оказался забористый. Опустошил кружку одним глотком.

– М-м-м... не-а. Нету такого.

– Колдовство?

– Какое? – спросил он и взглянул удивленно на кружку. – Темное? Светлое?

– Любое, – резанул я. – Любое колдовство темное.

– Знаешь, мужик, я могу ошибаться. – Он наполнил кружку еще раз. – Но всякая нечисть – колдовская отродь. Но не всякая колдовская отродь – обязательно нечисть. Так говаривала нам с братьями бабка, и, думается, правда это.

– Меча не было на твою бабку, – ответил я.

– Нашелся, – пожал он плечами.

Я долго смотрел на него, а потом спросил:

– Кто у вас Хвойной заправляет? Кто староста?

– Официальный? – спросил женский голос. Я оглянулся, щурясь от солнца. – Есть. И вы, по всей видимости, собирались его убить.

– Серему-то? – удивился харчевник, глядя на меня. – Деда?

– Клевета. Уж больно дерзкий старичок. Уму-разуму поучить стоит. Так это он староста? – Я прищурился, чтобы разглядеть ответившую.

– Был, пока разум его не покинул. – Женщина легким шагом подошла ко мне, приподняла бессовестно платье, села на прилавок рядом и закинула ногу на ногу. Тоже изучила меня взглядом, но таким, от которого как-то не по себе стало. В царстве моем ни одна женщина не позволяла себя взглядов в мою сторону таких. Никаких не позволяла, ни до Лизоньки моей, а после нее уж тем более. А эта еще и ухмыльнулась. – Ну и кто вы будете, гость? Воин какой прославленный?

– Почему сразу воин? Крестьянин я, может, обычный.

– Норов у вас бойкий. Такой, будто все вам с чего-то должны. Крестьяне не такие. Их норов работенка благородная успокоит. Петя, налей и мне, пожалуйста. Моего.

– Сейчас! – оживился харчевник.

Она подождала моего ответа, но я промолчал.

– Стало быть, воин. Такие к нам иногда заглядывают. Дерзкие, гордые. Показывают в доказательство царские... штучки, – сказала она с пренебрежением. – А потом требуют еды, питья да ночлег. За старания свои во благо земли родной. – Она вынула невесть откуда мою старую накидку с гербом царским, в обозе оставленную.

– Заслуженно требуют, – ответил я и выхватил накидку из ее рук.

– Ага! Значит, все-таки воин! Своих защищаешь. Богатырь, небось, какой?

– Не-а. Простой мужик.

– Да... – Она придвинулась ко мне, оценила, цокнула языком. – Правда, староват.

– Староват? Да как... – вспыхнул было я, а она уже ухватила меня за руку, вывернула ладонью кверху, подставила под солнце, прошлась своими пальцами и кивнула. – Но руки такие... срединные.

– Это как?

– Подозрительно. – Она подняла на меня глаза. – Вот как.

Харчевник вернулся с зеленым напитком. Я выдернул руку.

– Ваша брага.

– Спасибо. – Она испила. – Это значит, ни туда ни сюда. Широкие плечи, крепкие бедра, прости за эту подробность, ровная спина. Не выглядишь как тот, кто работу обычную делал всю жизнь, на обратного тоже не похож. Изнеженного боярина или царька.

– Какого царька?

Неужто здешние мнения такого обо мне? Владислав Непобедимый изнеженным у них считается? Ничего эта женщина обо мне не знает!

– Любого, – отмахнулась она и испила еще. – Все на одно лицо. Думается, ты у нас бывший царский воин. Богатырских все же кровей. Удалец, что меч из ножен вынимает при виде зла великого и люд простой защитить готов от угрозы всякой. Так?

Я взвесил услышанное и кивнул. А чего? Ходит сказ о том, что в роду нашем когда-то были богатыри, хоть ныне и перевелись. Порой смотрю на себя в отражении и думаю: может, да. А может, и нет. Силушки у меня за пятерых, и нрав соответствует сказаниям. Царь-богатырь. Многие враги так и называли.

– Идем, покажу земли, которыми управляю, – она легко спрыгнула с прилавка.

– Ты?!

– Дык я ж сразу спросила, тебе нужен официальный староста или всамделишный? Есть дед Серема, а есть я. Он у нас староста по указу, а я делами настоящими заправляю.

Мы вышли из харчевни и вновь оказались на сходбище. Народ начинать дела свои повседневные не решался. Стояли кто где. Смотрели на меня без одобрения, а лучше бы побаивались. Еще вчера царем их был! Эх, простолюды...

Прошли рядом с крыльцом, где на прогнившем табурете уселся сумасшедший Серема. Проводил меня зырком своим, будто обещая поквитаться.

– Чего это с ним приключилось? – кивнул я на него. – От старости иль...

– Иль, – перебила она меня. – Было у Серемы нашего пять сыновей. Все крепкие молодцы. Для Хвойного опорой служили, даже младший, которому и пятнадцати не было.

– Так и думал, что нечисто тут у вас. Оно и понятно, на границе с колдовскими отродами жить...

– В каком смысле?

– А кто виной? Вряд ли хворь какая. Вижу, целы деда да бабы. Великанов в этих землях мы истребили, и всех ведм тоже. Их черепа в мо... – Я осекся. Едва не проговорился. – В палате воинской славы расставлены в Солнцеграде. Своими глазами видел. И насколько мне известно, на этих землях серьезной угрозы для вас не осталось. Но коль погибли молодцы, значит, что-то вернулось...

Горстка жителей запряталась меж хибарами, когда мы поравнялись с ними. Да чего они боятся-то? Хоть я и в одежде простой, а видом благородство и отвагу всегда внушал.

– Под царские знамена ушли. Воевать с человеком всяким. Таким же, как мы, но другим немного.

– И чего, все погибли?

– Все.

Запустил пятерню в седую бороду. Почесал. Подумал.

– Дык, не могли все. Указ был царский: коль трое в семье умрут – остальных вертать обратно. К матерям.

– А кто ж заставит их вернуться? – Она посмотрела как на глупца. – Серема с женой хорошо воспитали их. А теперь их не стало. Жена с горя померла, а Серема... вот. Всякого незнакомого за супостата принимает. Считает, что война продолжается по сей день, придут враги рано или поздно, и тогда-то он отдаст душу вслед за сыновьями, за царя великого. Он и сам говаривает, что не умирает еще только потому, что стыдно будет перед женой и детьми оказаться, если умрет своей смертью, а не за святость какую.

Я ничего не ответил. Покрутил мысль в голове и воздал в душе честь этой семье. Достойно поступили. А деда умалишенного жаль. Простил ему неприветливость.

– Ну и как тебе у нас, богатырь?

– Никак, – отрезал я. – Видел сотню таких деревушек. Хотя люд ваш какой-то странный. Кривозорют на меня, будто я источник бед ваших.

– Не ты.

– Да и бед не вижу. Хорошо живете. С миром. В огородах все растет, в колодце вода есть. Чего еще надобно людям простым...

– Не скажи, богатырь. Беды некоторые в наличии у нас имеются.

Мы подошли к только открывшейся лавке. Мальчонка окинул меня встревоженным взглядом. Я указал ему на огородину и протянул большой мешок.

– Всего поставь, да не жалея. – Тот послушался и приступил к делу только после кивка управительницы. – Итак. Беды, говоришь? Помощи хочешь?

– Хочу. Но вначале хоть назовись, что ли. Иль дальше богатырем называть?

– Не называй. Не богатырь я. А имя свое оставлю при себе.

Она жестом остановила мальчишку, собиравшего овощи.

– Знаешь, ведь мы можем и спроводить тебя отсюда в другую деревушку. Только она совсем далеко. Ты без меча, а в дороге разбойники иль медведь какой повстречаться могут.

– С медведем проверял я силушку свою. На равных были, – ответил я твердо. – А разбойники меня за версту обходят. Мне и моркови против них хватит. – Я поднял с прилавка морковку и бросил в мешок. – Не пугай меня, женщина. Пуганый я уже. Лучше скажи, почему простому мужику в еде отказываешь?

– А не простой ты никакой. – Она, ухмыльнувшись, встала между мной и прилавком. Сунула руку в мешок, достала морковку и откусила с хрустом. Жуя, продолжила: – Зато у нас закон есть: во времена тяжелые запасы беречь. – Она показала морковь и откусила ее еще раз.

– Бывшему царскому воину не откажете. Иначе челобитную напишу на вас царю. Обругает, отберет запасы ваши.

Я забрал у нее огрызок. Аккуратно оттолкнул ее в сторону, а она, словно белка, мгновенно обошла меня с другой стороны.

– А может, у тебя прозвище есть? У каждого богатыря оно было.
– Богатырь?! – обронил мальчик, удивленно взглянув на меня.
– А чего? Не похож? – нахмурился я.
– Да, Лютоборушка. Всамделишный, – произнесла староста, ткнув пальцем мне в грудь.
– Я думал, они выше, – ответил тот.
– Уж больно имя у тебя бойкое для хилого тельца, Лютобор, продавец огорода, – встал я. Мальчик показал кулак и отвернулся.

– Ты детвору нашу не обижай, пожалуйста. Он в войско царское мечтает однажды вступить и с врагами государевыми биться. Зачем мечты рушить?

Я смерил мальчонку взглядом и почесал нос.

– Так есть у тебя имя или как?

– Бурей зови, – ответил я.

Смолоду в битвах громких прозвище получил – за удалство и способность секирой в бою во все стороны вертеть. Но этого ей лучше не знать.

– Бурей. – Она вздернула нос, будто примеряя имя к тому, что видит перед собой.

– Эй, – сказал я. Мальчонка повернулся ко мне, и я бросил ему серебряник. Тощие ноги его затряслись. – Прикупи железный меч да щит и каждый день с раннего утра упражняйся по крепкому дереву. Быть может, однажды и вступишь в царево войско.

Я закинул мешок на плечо и пошел к обозу. Староста за мной.

– А тебя как кличут? – спросил я, не оборачиваясь.

– «Кличут»? Как некрасиво. Я, вообще-то, дама уважаемая. Никак меня не кличут. У меня имя есть, родителями данное.

Я закинул мешок в обоз и дал огрызок морковки Маришке.

– А лет тебе сколько, староста? – нахмурился я.

Женщина эта обладала, как Лизонька моя, редким свойством выглядеть на любой, кроме дряхлого, возраст: никак я не мог понять, девица передо мной или все-таки особа постарше.

– К чему спрашиваешь? Замуж зовешь?

– Чего? – отшатнулся я. Маришка гоготнула.

– Не обижайся, богатырюшка, но староват ты для меня.

– Чего-чего?! – вырвалось у меня во второй раз. Ах уязвила! Ах поддела! Не старый я никакой.

– Но, может, за седой бородой и морщинами добромолодец прячется? Может, околдован ты? Водицы не из той лужицы отпил? Морковку заколдованную надкусил? Застрял в теле грозном и бессердечном? Может, поцелуй нужен, чтоб чары рассеять? Говорят, лягушку коль поцелуешь, так сразу расколдуешься, и она заодно принцессой сделается. Как тебе план?

Я замолчал. Понял игру хитрую. Умна староста. Язык у нее что помело! Что ни скажи, вывернет и сама словно змея укусит. В этом она мастерица, и, может, поэтому как староста устраивает простолюдов. Договариваться небось может, вертеть всеми как хочет, примирять, очаровывать и настраивать друг против друга. Такой советник мне в делах государственных пригодился бы. Будь она мужем. А я государем.

Залез на обоз.

– Поехали, Маришка.

Потянул за уздцы – а Маришка стоит да смотрит на старосту, а та руку прикладывает ко лбу тянущейся навстречу клячи. Никого Маришка, кроме меня, прежде не любила. Видимо, до сего дня. Прекрасно... Нашли общий язык женщины.

– Марфою меня звать.

– Благодарю за гостеприимство, – пробурчал я и развернул клячу. – Марфа.

– И что, не спросишь, Буря, что за беда у нас? – бросила она вслед.

– Не спрошу. Закончил я с делами кровопролитными. И на вопрос, что в землях ваших потерял, отвечу, что жизнь новую начинаю, но дружбы ни с кем не ищу. За плату лес порубить, землю вспахать – это пожалуйста, но вас-то не эти мои умения интересуют.

Покинул я Хвойное со знакомыми чувствами. Было проклятие на меня давным-давно повешено, с самого рождения. Куда ни шел, везде судьба увлекала в приключения всякие. За годы ранние по-разному бывало: иногда поддавался, иногда уходил. А как царем делался, ничего не поменялось. Где бы лагерем ни встали, кто-нибудь местный во что-то втянуть пытался. Приду к другому царю дружбу наводить, и тут получу просьбу да приключение. И казалось мне, что как передам трон, так и проклятие сойдет. Видимо, нет, останется со мной до последнего вздоха.

Но более не поддамся на хитрые игры судьбы. Стоило заявиться, так сразу: помощи да спаси. Неспроста все это. И не только просьба старосты, а вообще все, что со мной приключилось, само это вдохновение неожиданное после битвы. Будто небо нашептало, что пора заканчивать. Тихую жизнь начинать. И на следующий же день простолюду богатырь, значит, потребовался. Не-а. Дураков нету. И богатырей тоже больше нет. Вымерли они все, как и обещано было пророчествами, чтобы землю святую защиты лишить. Чтобы Злое зло возродилось, а простолюду потом осознал, что самому придется за жизни бороться. И объединимся все, кто меч да вилы в руке удержать может. И поверим в себя в последний момент. Встанем плечом к плечу, Создателю помолимся и победим. Хоть и жертв не счесть будет.

Такое пророчество в скрижалях наших святых осталось, и никогда не сомневался я в правдивости его. И об одном молился: чтоб в живых остаться, чтоб вступить в бой с тьмою и умереть славной смертью. Не суждено, наверное. Не было в последние годы никакого Злого зла – и супостаты обычные, и колдовство знакомое.

Так что никакой я не богатырь, ну разве что капелькой крови. Но и не старик! Ах, Марфа... Вот возведу дом своими руками – из деревушки своей увидишь хоромы мои. Сама начнешь замуж проситься, а не возьму! В сердце моем только Лизонька.

Оглянулся перед тем, как завернуть в лес окаянный, – стоит дед Серема у первого столба и взглядом провожает. Да уж, странная какая-то деревушка. Подозрительная.

Глава 3. Находка

Вернулся я к болоту, когда солнце в зените встало. Весь путь вороны провожали смехом. Будь у меня лук да стрелы, перестрелял бы всех, приготовил бы суп.

Принялся очищать участок. Все, кроме заколдованной яблони, поддавалось топору – рубил я так, будто от полчищ вражеских отбиваюсь. Эх, заскучал по секире своей. Надеюсь, Еремей повесит в тронном зале и внукам моим показывать будет то, что от прославленного деда осталось. Но вначале пусть ею имя себе заработает. Усмехнулся. Как же, коль я врагов на все четыре стороны порубить успел? Да, тяжела задача у сына. Нрав горячий, а воевать не с кем. Вот пусть внуков и делает. В супружестве будут ему войны. Терпению и мудрости только в браке и научишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.